

31 марта

*Университет Брауна
Приемная комиссия*

Дорогая Эвер!

Благодарим Вас за интерес к нашему курсу «Программа гуманитарного медицинского образования»*. В этом году состав абитуриентов оказался исключительно талантливым, и наш комитет, к сожалению, не имеет возможности предложить Вам место на первом курсе...

31 марта

*Бостонский университет
Колледж искусств и наук
Медицинская школа*

Дорогая Эвер!

Нам ежегодно приходится принимать трудное решение об отсеве высококвалифицированных кандидатов...

* Этот восьмилетний курс — одна из самых престижных и популярных программ обучения в Университете Брауна (Провиденс, штат Род-Айленд), входящем в Лигу плюща. — *Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев, примеч. пер.*

31 марта

*Университет Вашингтона в Сент-Луисе
Медицинская школа*

Дорогая мисс Ван!

Несмотря на предоставленные Вами впечатляющие характеристики, к сожалению, мы вынуждены сообщить...

1 апреля

*Медицинский центр Рочестерского
университета*

Дорогая Эверетт!

Поскольку данная образовательная программа рассчитана всего на десять свободных мест, я, к сожалению...

31 марта

*Университет Райса / Медицинский колледж
Бэйлора*

Дорогая Эвер!

Благодарим Вас за интерес к медицинской образовательной программе Райс / Бэйлор. К сожалению...

3 апреля

*Медицинская школа Западного резервного
университета Кейза*

Дорогая мисс Ван!
К сожалению...

3 апреля

*Северо-Западный университет
Медицинская школа Файнберга*

Дорогая Эвер!

Поздравляю! Я рад предложить Вам пройти обучение по нашей усложненной медицинской образовательной программе. С 1961 года мы предлагаем уникальный семилетний курс для мотивированных студентов, мечтающих о медицинской карьере...

4 апреля

*Нью-Йоркский университет
Школа искусств Тиша*

Дорогая Эвер!

В настоящее время отделение танца не имеет возможности зачислить Вас на обучение, однако мы хотели бы предложить Вам место в списке кандидатов...

1 мая

Уважаемая Медицинская школа Файнберга
Северо-Западного университета,

Я принимаю предложение о зачислении
и вношу задаток в размере 500 долларов.

Я отказываюсь от зачисления.

Эвер А. Ван

Глава 1

Чагрин-Фоллз, Огайо

5 июня

В почтовую прорезь нашей двери опускают конверт — будто любовное письмо.

При виде знакомой фиолетовой эмблемы — четырех языков пламени, похожих на раскрытый веер танцовщицы, — я сломя голову бросаюсь вниз по лестнице, застеленной потертым голубым ковром. Набираю сообщение Меган: «опаздываю буду в пять». И хватаю письмо прежде, чем оно успевает упасть на придверный коврик.

Я провожу большим пальцем по названию школы. Последний раз точно такой же конверт, с жесткими уголками, пахнувший новой бумагой и чернилами, захватанный чьими-то пальцами, приходил два месяца назад. Точно цветной сон, врывающийся в серую реальность: лавандовый шелест тюлевых юбок, развевающиеся розовые атласные ленты, парящие прыжки к сапфировым небесам... Школа искусств Тиша.

Возможно ли это?..

— Эвер, вот ты где!

— Мама! — Я оборачиваюсь, цепляясь за шаткую книжную полку, сооруженную папой.

Мама выскакивает из кухни, размахивая какой-то распечаткой, и я незаметно прячу письмо за спину. Мамина нефритово-зеленая блузка со скромным вырезом, как обычно, застегнута на все пуговицы. По привычке у меня от паники сводит живот.

— Мам, я думала, ты ушла.

— Сегодня в церкви и так много волонтеров. У меня хорошие новости.

Мама потрясает листом бумаги, покрытым китайскими иероглифами. Очередной старинный рецепт травяного отвара для улучшения кровообращения? Я не хочу этого знать — в любом случае, она скоро заставит меня его пить.

— Мы подали на тебя заявление и... Ты что, на-красилась?

Проклятье! Я ведь решила, что ее нет дома.

— Совсем чуть-чуть, — признаюсь я.

Мама хватается со столика салфетку. Конверт у меня за спиной впивается в волдыри на ладони. Как правило, прежде чем нанести мизинцем на губы крохотную капельку блеска, я добираюсь до соседнего квартала.

— Мам, я опаздываю на встречу с Меган. — Я пытаюсь бочком протиснуться мимо вешалки к лестнице, но в коридоре, от пола до потолка увешанном нашими с Перл портретами во всех возрастах, тесно, как в чемодане. — Она уже на стадионе.

Как всегда поджав губы при упоминании Меган, мама заправляет торчащую бретельку бюстгальтера мне под майку. Она предпочла бы, чтобы я проводи-

ла время, готовясь к занятиям в Северо-Западном университете, поскольку мой мозг не в силах постичь цикл Кребса*. Я еле натянула на четверку по биологии — и эта опухоль в моем табеле может оказаться злокачественной.

Салфетка приближается. Маме невдомек, что она вторгается в мое личное пространство.

— Да, но мне нужно тебе сказать...

С кухни доносится грохот и тут же — вопли Перл:

— Прости! Рука нечаянно соскользнула!

Я прячу улыбку, когда в дверном проеме за спиной мамы возникает голова моей одиннадцатилетней сестренки. Она впивается зубами в дольку очищенного от кожуры грейпфрута. Перл — моя миниатюрная копия: те же черные волосы до плеч и физиономия эльфа, но глаза у нее папины, светло-карие, и выражение у них куда более покладистое. Правда, когда ее взгляд встречается с моим, в них загораются озорные огоньки.

— Мама, помоги! Я рассыпала коричневый сахар.

— Не ушиблась?

Мама устремляется к Перл.

— Переломов нет!

Наверху появляется папа:

— Все в порядке?

Ступеньки скрипят под папиными ногами, когда он начинает спускаться по лестнице, одетый в толстовку с эмблемой любимых «Кливленд индианс». Под мышкой у него «Уорлд джорнал» — газета на

* Биохимический процесс, открытый немецким ученым Г. Кребсом.

китайском языке, посвященная буквально всему на свете — от глобальной политики до десятилетнего китайско-американского чемпиона мира по шахматам и поступившего в Йель вундеркинда, издавна отравляющего мое существование.

— Возьми швабру, пожалуйста, — просит меня мама.

— Нет, я уже взяла, — сообщает Перл. — Смотри, сахар в основном просыпался на салфетку. Он чистый.

Ни крупички не пропало. Вот уже пять лет мы с сестрой прикрываем друг друга, и Перл в совершенстве овладела этой наукой. Я одними губами говорю ей спасибо и протискиваюсь мимо папы, прижимая руку к животу, по-прежнему пряча конверт.

— Извините, мне пора бежать.

Едва касаясь ногами пола, я мчусь по лестнице. Почти достигнув верхней площадки, задеваю плечом семейное фото.

— Эвер, мне нужно тебе кое-что сказать. — Мама никогда не отпустит просто так — кому и знать, как не нам с Перл. — Нынешним летом...

— Прости, мам, я жутко опаздываю!

Я захлопываю за собой дверь, взметая страницы старых контрольных работ на столе и заставляя покачиваться розовые пуанты, подвешенные за ленты на столбике кровати. В моей комнате есть кровать, комод и куча танцевальных принадлежностей: туфли-джазовки у шкафа, флаг нашей команды в углу, спортивный купальник, колготки, юбки.

Я прислоняюсь спиной к двери и прижимаю письмо к трепещущему сердцу.

Возможно ли это?..

Я подала заявление в Тиш подчинившись порыву, тайком. Родители терпели мое увлечение танцами только потому, что школьный консультант по проф-ориентации заверил их, будто для поступления в колледж необходимы разносторонние интересы. Погребенный под завалами заявлений в медицинские вузы, Тиш стал выстрелом наугад. Когда пришло письмо с предложением об условном зачислении, я решила, что так отвечают всем кандидатам: «Спасибо, но попытайте счастья в другом месте».

У меня еще две минуты до того, как мама выломает мою дверь.

Дрожащими пальцами я вскрываю конверт.

Глава 2

Десять минут спустя я уже подбегаю к стадиону за школой. Небо заволочло тяжелыми грозовыми тучами — по словам телесиноптика, это отголоски тайфуна, бушевавшего в Азии. Трава под ногами сырая. Футбольный матч в разгаре, оранжевые футболки «Чагрин-Фоллз» идут в отчаянную атаку на синие майки «Солона» — школы-соперника. В другой раз бы остановилась и понаблюдала за игрой, но сегодня у меня одна задача — поговорить с Меган, моей лучшей подругой с пятого класса. Она поступила в балетную студию Зиглера, где я танцевала с четырех лет, и вместе со мной все шесть лет была участницей нашей флаговой группы, насчитывающей двенадцать членов, а также чирлидерской команды.

Меган вытаскивает из багажника своей черной «камри» черно-золотые флаги. Она уже одета в наш костюм — черный гимнастический купальник с прозрачными кружевными рукавами, мерцающими на свету, и такую же юбочку, струящуюся по длинным, стройным ногам. У Меган тело танцовщицы — она похожа на ожившую скульптуру Дега. Приближаясь

к ней, я чувствую знакомый укол зависти. Я предпочла бы все лето дополнительно заниматься биологией, лишь бы не выставлять напоказ свои ляжки, но это цена танцев, и я готова ее платить.

— Меган!

— Эвер, ты все-таки улизнула!

Она машет мне рукой и поправляет ярко-голубую сумку, соскальзывающую с узкого плеча. По ее пальцам струятся рыжевато-каштановые волосы.

— Привет, Меган, — задыхаясь, говорю я.

— Переодевайся быстрее. — Подруга сует мне в руки мою сумку, которую я оставила в ее машине на прошлой тренировке, чтобы та не попадалась маме на глаза. — Стадион понадобится Стайкмену для какого-то собрания. У нас всего час.

— Меган! — Я хватаюсь за свою сумку, как за спасательный круг. — Меня приняли в Тиш.

Древки с грохотом падают на асфальт, а Меган визжит так громко, что ее, наверное, слышно на Манхэттене. Меня окутывает вихрь кудряшек и аромат розмарина.

— Как? Когда?

— Только что.

Я дрожу, словно несколько дней ничего не ела. Я сунула письмо под подушку, но черные строки навечно отпечатались в моем мозгу: «Мы рады зачислить Вас на танцевальное отделение...»

— Они, видимо, прислали и мейл, но я после окончания учебы и не подхожу к компьютеру. А ответ надо дать до следующей пятницы. Прямо не знаю, что делать.

— Родителям ты, естественно, не сообщила?

У меня трясутся руки.

— Я спустилась по водосточной трубе прежде, чем они успели ко мне прицепиться.

— Эвер! — Меган берет меня за плечо и тянет к школе. — Надо бы тебе прекратить занятия. Если сломаешь ногу — как тогда будешь танцевать? А вдруг ты надолго сляжешь?

— Я не собираюсь ломать ногу.

Меган хмурится.

— Значит, Тиш. Ты туда хочешь?

— Не знаю. Даже притом, что это кажется абсурдным, правда? Мне ведь прямая дорога в медицинский. Ты же знаешь, как моя мама относится к танцам — практически как к проституции: вертеть задом большого ума не надо. В любом случае Тиш мы позволить себе не сможем. Узнай мои предки, что я подала заявление и меня приняли...

— А финансовая помощь?*

— Этого недостаточно. В письме упоминалось про стипендию.

— Ее выплачивает Тиш?

— Нет, Творческая ассоциация**. В следующую субботу, после того как выступим на параде, мне нужно будет пройти прослушивание в Кливленде. В час тридцать.

— Номер балетный? Джазовый? — Меган так яростно вцепляется в меня, что даже больно.

* Речь о финансовых выплатах (или специальном кредите), которые получают малоимущие студенты вузов, не имеющие возможности полностью оплатить обучение.

** Творческая ассоциация (Arts Association) — в США местная некоммерческая общественная организация, созданная для материальной, координационной и иной помощи студентам, обучающимся исполнительским искусствам (танцу, актерскому мастерству, музыке и т. п.).

— Какой угодно.

— Как насчет нашего танца? Ты сама его поставила — это же что-то значит, верно? Хорошо бы показать дуэт!

— У меня больше ничего и нет!

Меган хмурится, напряженно размышляя.

— Нам придется ехать с городской площади на такси. Вот черт! — Она толкает меня в сторону душевой. — А теперь нам действительно пора тренироваться. Иди переодевайся!

Через пять минут мы уже сидим спина к спине на траве. Я поднимаю стеклопластиковое древко, чтобы образовать с Меган треугольник в исходной позиции. Внутри меня, как мед, разливается знакомое тепло: предвкушение чеканного ритма.

Низкие ноты духовых.

Мы разгибаемся, словно распускающиеся цветы. Выпрямляем ноги. Черные полотнища флагов, прорезанные молниями, сливаются воедино в лучах восходящего солнца. Мы становимся рядом, разворачиваем флаги в противоположных («Черт, не туда», — извиняется Меган) направлениях, салют в обе стороны, разворот, медленное вращение, еще одно, потом быстрее, пробуждение.

Тут музыка взрывается — и мы тоже.

Я делаю пол-оборота. Вихрь, поднимаемый зеркальными движениями Меган, треплет мои волосы. Черно-золотой винил хлопает у меня над ухом, когда я подбрасываю свой флаг в небо и делаю двойной пируэт, ноги топчут газон, черные пряди волос хлещут меня по лицу. В воздухе разносится аромат

травы, и я так остро ощущаю его, — танцую, я с небывалой полнотой воспринимаю все вокруг.

Меган врезается в меня, древки флагов скрежещут.

— Прости! — кричит она. — Что дальше?

Меган всегда заранее продумывает следующий шаг. Мне никогда не приходится этого делать. Тело само знает, какую фигуру исполнить, с какой энергией и темпом двигаться в пространстве.

— Большие круги, — выдыхаю я. Моя рука скользит к концу древка.

Мелодия приближается к завершению, мы делаем пируэт порознь, покачивая бедрами чуть сексуальнее, чем это дозволяется родителями. Наши флаги парят в вышине, синхронно вращаясь — раз, другой, — затем мы проносим их над землей и возвращаемся к центру, где я падаю на колени и скидываю руки.

— Извини, я налажала в переходе, — стонет Меган и выключает камеру, на которую мы записываем генеральную репетицию.

— Ладно. Прогоним еще раз.

Тяжело дыша, я падаю на спину. Волдыри на руках ноют — такова цена нескольких часов работы со стеклопластиковым древком, а нам еще многое предстоит сделать. Но пока мое лицо щекочут травинки, сердце в душераздирающем ритме рикошетом бьется о грудную клетку.

Может, это мое будущее? Сплошные танцы и эта текучая истома — а не хождение по пропахшим антисептиком больничным коридорам?

— Слушай, ты настоящий хореограф. — Меган хватает мою бутылку с водой и делает большой глоток, прежде чем передать ее мне. — Как только мы

обкатаем этот номер для выступления на площади, предложения с Бродвея так и посыплются.

— Ха!

Я брежу мюзиклами; танцевать на Бродвее — моя заветная мечта. Меган, конечно, просто шутит, но от одной мысли об этом кружится голова.

— Серьезно! Как ты все это придумала? Мы такие классные!

— Были бы мы ведьмы с зелеными волосами, ты бы тоже так сказала. Все как-то само собой получилось. Твоему отцу надо дать медаль за то, что он добыл для нас место на параде.

— Ну, его фирма уже десять лет выступает спонсором. Пора бы уже что-то с этого поиметь.

Меган стаскивает золотую ленточку с коробки шоколадных конфет «Мэлли», нашей главной награды на время передышки.

— Жаль, что тебе не удалось выступить в весеннем шоу. Тот номер был лучшим. И его наполовину поставила ты! — Она сует в рот трюфель. — У меня до сих пор в голове не укладывается, как твоя мама посмела утащить тебя с репетиции.

— А у меня укладывается. А больше всего убивает, что она сделала это на глазах у всей команды. — Я впиваюсь зубами в конфету из темного шоколада с малиновой начинкой, содрогаясь от воспоминаний. — Бедный Итан, она обращалась с ним как с прокаженным. А все потому, что я посмела танцевать с парнем!

— Честно говоря, я ее не понимаю. Ведь тебе уже восемнадцать!

— Такая уж она есть. — Делиться с Меган своими проблемами — то еще удовольствие: родители у мо-

ей подруги настолько беспечные, что ей меня не понять. — Спиши это на ее китайско-баптистские корни. Ты же знаешь, мама до сих пор не поговорила со мной о тычинках и пестиках! Единственное, что я от нее услышала...

— «Секс в браке — вынужденная необходимость, которую приходится терпеть, желательно через щель в одеяле». Ты так рассказывала.

Меган хохочет, я тоже готова улыбнуться. В конце концов она успокаивается:

— Ты собираешься рассказать им про Тиш?

— Не знаю. — Я чувствую тяжесть в груди. — Меня прочили в медицинский вуз раньше, чем я научилась ходить. — Медицина воплощала в себе извечную мечту родителей о стабильности. И почете.

Задаток уже выплачен. Танцы... Маму с папой бесит одно то, что я трачу на них столько времени. Они надеялись, что после школы, когда начнется взрослая жизнь, я брошу дрыгать ногами.

Родителям известно о моем участии в параде, но я так преуменьшила свою роль, что они не придут: нельзя рисковать, иначе папа и мама окончательно расправятся с отнимающим время увлечением, а заодно и с моими танцевальными принадлежностями.

Тяжесть в груди усиливается, и я приподнимаюсь на локтях.

— Мне не хочется сейчас об этом думать. Надо сосредоточиться на нашем номере.

Мы несколько раз прогоняем программу и смотрим видео; наконец Меган в изнеможении скидывает тапочки и массирует пальцы ног.

— Мне нужна передышка.

Я плюхаюсь на спину рядом с ней и провожу большим пальцем по ладони. Волдыри кровоточат — бе-е. Отведя глаза, я вытираю руки об траву. Меня тошнит от вида собственной крови — как же я вынесу пожизненную возню с кровотечениями и колотыми ранами?

Последние клочки голубого неба над головой заволокло свинцовыми тучами.

Землю подо мной сотрясает раскат грома.

Я энергично берусь улаживать мелкие проблемы, но не большие.

Не могу удержаться от мысли... Если папа получит премию, на которую рассчитывает мама... Если я подловлю их в нужном настроении...

— Справа, — шепчет Меган. — Не смотри туда, но на тебя пялится симпатичный парень.

В отличие от мамы, Меган знает, когда я не готова к разговору.

— Футболист?

— Ага.

Я вращаю свой флаг над лицом, как вертолетную лопасть. Не могу отрицать (может, оттого, что сама танцую) — я обожаю спортсменов. Не потому, что они популярны, а из-за дисциплины, которая необходима для занятий. А еще мне нравится, как они двигаются: уверенно и решительно отвоевывая место на этой земле.

Я сажусь и осторожно поглядываю в сторону футбольных ворот. Команда «Солона» в синих майках стала в круг и набивает мяч. Парень восточной внешности смотрит прямо на меня, и мы отводим взгляды. Это негласный код. Когда в твоей школе меньше пятисот учеников и из них всего трое азиатов, не

будешь лишний раз привлекать внимание ни к своей, ни к его *азиатскости*.

— Не интересуюсь.

— А я была бы не прочь с ним пообщаться.

— Он заметил не меня, а какую-то китаянку. — Я беру свой телефон. — А я, справедливости ради, заметила правого защитника. — Я открываю сайт Творческой ассоциации, предлагающей стипендии, — хочу зарегистрироваться, а парня, само собой, отвлекают приятели по команде. — Видишь, он отвернулся.

Меган вздыхает:

— Потому что любой парень читает в твоём взгляде: после дождичка в четверг. Только потому, что он азиат...

— В штате Огайо у меня куда больше шансов сойтись с пятидесятидевятилетним двукратным разведеньем, чем с таким же, как я, американцем азиатского происхождения. Вот мое будущее.

Я говорю шутливым тоном, но правда в том, что парни не воспринимают меня как объект для свиданий. Вот почему я целовалась только с одним — и в итоге он меня забраковал.

— Ну знаешь, это просто смешно. А как же рыжий? Ему нет пятидесяти.

— Ага. Уймись ты уже... — Но тут я замолкаю, потому что к нам, шелестя по асфальту, подъезжает синий кабриолет. Как по заказу.

— Дэн! — верещит Меган.

Из машины вылезает рослый хоккеист и набрасывается на мою подругу с жадным поцелуем. Они не виделись больше полугода, с тех пор как Дэн, первокурсник Университета Райса, приезжал в прошлый

раз. Поцелуй длится всего три секунды, но они кажутся вечностью. Я ковыряю ногой землю; сердце мое стягивают хорошо знакомые путы зависти.

— Привет, Эвер!

Пшеничные волосы Дэна теперь длиннее, чем тогда, на его прощальной вечеринке. Но щербатая улыбка осталась прежней. У меня возникает ощущение, будто мой гимнастический купальник прозрачный. И когда его прищуренные в улыбке карие глаза встречаются с моими, я тут же мысленно переносюсь в тот день, за сарай. Эти большие руки на моих бедрах. Язык, раздвигающий мои губы. Дэн научил меня всему, что я знаю о поцелуях и чего еще не успела освоить, практикуясь на апельсинах с Меган в средней школе.

А потом мама с папой его прогнали.

— Дэн хочет прокатиться. — Меган обвивает меня руками; несмотря на изнурительную тренировку, ее волосы до сих пор благоухают розмарином.

Я знаю, ей совестно быть счастливой за мой счет, так и слышу ее безмолвный вопрос: «Все хорошо, правда?» Меган в курсе про тот поцелуй и понимает, что он остался в прошлом. «Мы по-прежнему подруги, потому что у тебя самое большое сердце по эту сторону Миссисипи», — сказала она мне. По правде говоря, я стараюсь вообще не думать про них. Про то, что они вместе.

Меган обнимает меня еще крепче.

— Мы заедем за тобой завтра? Нам надо непременно заполучить для тебя эту стипендию.

— Спасибо. — Я обнимаю подругу в ответ, чтобы она не волновалась. Затем, поскольку Меган стоит рядом, я заставляю себя обнять и Дэна. Просто как друга.

— Эверетт!

Я вздрагиваю. Шарахаюсь от Дэна, попутно зацепившись ногой за его ногу и оцарапав ухо о его щетинистую щеку, и оказываюсь лицом к лицу с наблюдателями, о присутствии которых даже не подозревала.

Мама! Она выскакивает из нашей машины, нефритово-зеленая блузка раздувается, точно парашют. За ее спиной папа надвигает на глаза свою кепку «Кливленд индианс», словно стремясь стать на несколько дюймов ниже. Он хромает; это старая травма: поскользнулся на работе, пройдя по свежевывому полу.

Я прикрываю купальник скрещенными руками — бессмысленный жест. Дэн отшатывается, когда мама фурией обрушивается на меня. Тяжелые капли дождя колотят по голове и плечам, когда мама хватается за кружевной ворот, лишая равновесия, хотя при росте пять футов один дюйм она на целых два дюйма ниже меня.

— Ты смеешь носить такое на людях?

Я пытаюсь высвободиться. На мне купальник с длинными рукавами, ради всего святого! Меган утаскивает Дэна с линии огня, но ей нет нужды беспокоиться: он, словно дикий жеребец, в ужасе тарашится на пламя, которое однажды уже опалило его.

— Зачем ты здесь? — с трудом выговариваю я.

Мама сует мне в лицо какую-то бумагу. Кремовый лист, сложенный втрое. Изящная эмблема с фиолетовыми язычками пламени, смявшаяся под ее пальцами. Она залезла ко мне под подушку и нашла его. Мое письмо из школы Тиша.